

Maciej Walczak

 <https://orcid.org/0000-0001-6313-5672>

Uniwersytet Śląski

Wydział Humanistyczny

Instytut Językoznawstwa

41-200 Sosnowiec, ul. Gen. S. Grota Roweckiego 5

maciej.walczak@us.edu.pl

<https://doi.org/10.18778/8220-520-6.06>

СЕМАНТИКА РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С КОРНЕМ ГЛУП- / GLUP-

**Semantics of the Russian and Polish adjectives containing
the *глуп-* / *glup-* root**

**Semantyka rosyjskich i polskich przymiotników z rdzeniem
глуп- / *glup-***

Резюме

В настоящей статье осуществляется сопоставительный анализ русских и польских имен прилагательных с корнем *глуп-* / *glup-* с точки зрения их значений и словообразовательных особенностей. Исследование проводится с опорой на данные современных и исторических словарей русского и польского языков, толковых, этимологических, а также диалектной и древней лексики. Проведенный анализ позволил установить отличие. Как показал материал, для польских единиц характерен больший, по сравнению с русским, словообразовательный потенциал, что особенно ярко себя проявляет в дериватах с суффиксами субъективной оценки, которые, в зависимости от контекста, способны придавать уменьшительное либо усилительное значение лексемам, относящимся, по преимуществу, к слою устаревшей лексики польского языка. Значительные семантические отличия по языкам обнаруживаются также и среди единиц диалектного происхождения.

Summary

The author performs a comparative analysis of the meanings of the Russian and Polish adjectives containing the *глуп-* / *glup-* root. The analysis also considers their word-formative features. The underlying material was sourced from the contemporary and historical explanatory dictionaries as well as etymological dictionaries and

dictionaries of dialectal and old lexis. This analysis made it possible to observe that the Polish units have a stronger word-formative potential, especially with regard to derivatives with suffixes of subjective assessment. Depending on the context, these derivatives may introduce diminutive and augmentative meanings and mainly refer to the archaic store of the Polish language. The strongest semantic differences between the two languages can be observed among dialectal units.

Streszczenie

W niniejszym artykule zaprezentowano porównawczą analizę znaczeń rosyjskich i polskich przymiotników z rdzeniem *злн-* / *глн-* uwzględniającą także ich właściwości słowotwórcze. Analiza dokonywana jest na materiale danych ze współczesnych i historycznych słowników objaśniających języka polskiego i rosyjskiego, jak również słowników etymologicznych, leksyki dialektalnej i dawnej. Przeprowadzona analiza pozwoliła zauważyć, że polskie jednostki cechują się większą potencją słowotwórczą, szczególnie w przypadku derywatów z sufiksami subiektywnej oceny, które w zależności od kontekstu mogą wносить znaczenie deminutywne lub intensyfikujące i przeważnie odnoszą się do archaicznego już zasobu leksykalnego polszczyzny. Największe różnice semantyczne pomiędzy badanymi językami uwidaczniają się wśród jednostek dialektalnych.

Ключевые слова: семантика, корень, имя прилагательное, словообразование, этимология, лексикология.

Keywords: semantics, root, adjective, word formation, etymology, lexicology.

Słowa kluczowe: semantyka, rdzeń, przymiotnik, słowotwórstwo, etymologia, leksykologia.

Выбранный для анализа корень прослеживается в довольно обширном составе русских и польских лексических единиц, связанных с широко понимаемым лексико-семантическим полем интеллекта. Названное поле постоянно привлекает внимание лингвистов, исследуясь в различных проблемных направлениях и поворотах, особенно фразеологическом (Spagińska-Pruszk, 2005; Эмирова, 1978, 17–26; Сираева 2015, 1042–1045; Динисламова, 2018, 229–248), когнитивном (Аверинцев, 1977, 25–28; Пименова, 2004, 32–35; Леонтьева, 2009) и лингвокультурологическом (Никитина, 1999, 298–307; Дзюба, 2011; Walczak, 2018, 105–114). Активные исследования в русле когнитивизма обуславливаются, по словам Е.В. Купчик, одной из главных задач современной лингвистики, стремящейся охарактеризовать процессы концептуализации мира посредством языка, отталкиваясь от человеческих представлений, его внутреннего мира, в котором одно из центральных мест занимают душа, сердце и ум (Купчик, 2018, 117). Сам концепт ум в русской языковой картине мира представлен разнообразными когнитивными моделями (напр.: ум → человек, ум → подчиненный, ум → воин и т.д.) (Пименова,

2004, 33), осложняющимися при этом признаками антропоморфного характера (Эдилова, 2015, 377).

В пределах разбираемого поля, помимо фразеологических и паремиологических, присутствуют и лексические единицы различных морфологических классов: имена существительные, прилагательные, в том числе субстантивированные, а также глаголы, наречия, включая предикативные. Как замечают Р.И. Кудряшова и Н.И. Шкабара (Кудряшова, 2015, 315; Шкабара, 2012, 137–141), корневая морфема *глуп-*, наряду с корнями *дур-*, *туп-*, *ум-*, входит в состав лексем, наиболее часто используемых при характеристике интеллектуального потенциала человека.

Данная статья предполагает в этой связи выявление и сравнение по выбранным языкам частотности имен прилагательных с корнем *глуп-* с особым обращением к их семантике и обнаружение как общих, так и индивидуальных для каждого из двух языков значений. Поэтому для более наглядного и убедительного их определения приводятся словарные данные разных периодов, представляя, тем самым, семантический образ исследуемых лексем в диахроническом плане. Обращение к историческим словарям (старопольского, древнерусского языков), а также словарям диалектной лексики, объясняется стремлением выявить лексемы с их значениями, характерными для русского и польского языков на более раннем этапе их существования, а в современных языках отмечающимися как устаревшие или полностью вышедшие из употребления. Исходя из этого, в ходе анализа, вполне сознательно и намеренно, сопоставляются одновременно единицы разной функционально-стилистической принадлежности – слова ограниченной сферы употребления (диалектизмы) и устаревшие наряду с прилагательными современного употребления, объединяясь выявляемыми семантическими особенностями. В поле зрения оказываются также словообразовательные особенности рассматриваемых единиц, поскольку различные семантические оттенки создаются нередко за счет соответствующих аффиксальных морфем, что особенно ярко себя проявляет именно на материале имен прилагательных.

Поскольку русский язык принят в качестве базы для сравнения с польским, классификация будет осуществляться, исходя из материала русского языка с последующим переходом к польскому.

Представляется целесообразным начать задуманный нами анализ с обсуждения данных этимологии с целью выявления первоначального и основного значения разбираемого корня.

Этимологические источники однозначно указывают на связь корня *глуп-* / *glup-* с праславянской основой **glupъ(jь)*, родственной корням **gluxъ* ('глухой') и **glutъ* ('шум; забава; шутка'), от и.е. **ghleu-* (: **ghlou-*) / **g(e)leu-* ('гнести, жать, сжимать') (см. Черных, 2009, 192; Фасмер, 1964, 416; Трубачев, 1979, 152; Boguś, 2008, 165; Długosz-Kurczabowa, 2008, 220; Bańkowski, 2000, 439). В контексте семантической близости этих корней небезынте-

ресно отметить и корень *-surd-* и его значения у таких латинских лексем, как *absurdus* ‘нелепый, глупый’ и *surdus* ‘глухой’. Аналогичное явление прослеживается также на почве старопольского языка, в котором одно из значений прилагательного *głuchy* предполагает именно ‘głupi, bzdurny’ (Urbańczyk, 1956–1959, 433)¹.

Отмеченное сближение значений корней **gluxъ* и **glupъ(jь)* и, следовательно, современных прилагательных *глухой* / *głuchy* и *глупый* / *głupi* / *глупый* происходит, вероятнее всего, через сему *пустой* (Długosz-Kurczabowa, 2008, 220) и представление о пустоте как полном отсутствии чего-либо, обнаруживающее себя также в некоторых значениях современных прилагательных (ср. *глухой* ‘лишенный отверстий, без дыр; лишенный звука’ / *głuchy* ‘pozbawiony zawartości’, ср. польск. *głuchy owies* ‘pusty kłos owsa’), что часто становится основой метафорических переосмыслений при характеристике глупого человека (ср. рус. *пустая голова*; *два фонаря на пустой каланче* – о глазах глупого человека; *у кого одного стропильца не хватает*, польск. *pusta głowa* / *pusty łeb*; *komu brakuje piątej kleпки*).

Сближение данных корней может доказываться и на материале других устойчивых сочетаний со сходной структурой, отличающихся компонентами *глупый* / *głupi* и *глухой* / *głuchy*, ср. рус. *глупый* / *тупой* как *пробка* vs *глух* / *глухой* как *пробка* (Баранов, Добровольский, 2007, 68, 99), польск. *głupi jak pień* vs *głuchy jak pień* (Krzyżanowski, 1969, 667, 671). Сближение корней *glupъ(jь)*, **glumъ* и **gluxъ* на почве русского языка обнаруживает себя, в частности, в диалектных единицах, напр.: *глум* ‘сумасбродство, блажь, дурь’, *глума* ‘дураковатый, бестолковый человек’, *глуминка* ‘глуповатость; недогадливость’, *глумиться* ‘сходить с ума, терять ясность сознания’, *голову глумить* ‘сбивать кого-либо с толку; лишать способности здраво рассуждать’ (Филин, 1970, 210), а также *глупáя* (от *глупóй*) *ночь* ‘темная, поздняя ночь’ (Филин, 1970, 210). Подобное сближение в диалектном материале прослеживается и в польском языке: *glum* ‘glupstwo’ (Karłowicz, 1901, 90).

Предварив основную часть исследования кратким этимологическим комментарием, обратимся к прилагательному *глупый* / *głupi*, которое, по своей морфемной структуре являясь простым, становится мотивирующим для большого количества русских и польских последующих производных. Отметим попутно, что в анализ включаются также причастные образования, которые по многим морфологическим категориям (род, число, падеж) примыкают к прилагательным и способны выражать атрибутивные признаки, выполняя синтаксическую функцию определения (Розенталь и др., 2003, 241–242).

¹ Редакторы словаря, однако, предполагают, что значение могло возникнуть в результате смешения и ошибочного перевода латинских лексем *absurdus* и *surdus*.

Прилагательное *глупый* / *głupi* и его производные

Для начала обратимся к толкованиям данного прилагательного, определив взаимоотношения значений по языкам. В большинстве случаев значения этих лексем пересекаются, иногда отличаясь лишь стилистически. Приведем их в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение значений прилагательного *глупый* / *głupi*

Русский язык		Польский язык	
Значение	Пример	Значение	Пример
1. 'умственно ограниченный, неразумный, неумный, недогадливый, несообразительный, бестолковый' (Кузнецов, 2000, 210).	<i>глупая бабенка</i>	1. <i>pot.</i> 'pozbawiony bystrości, mający ciasne horyzonty myślowe, nieinteligentny, ograniczony' (Szymczak, 1983, 667); 'mało wiedzący i mało rozumiejący' (WSJP)	<i>głupia dziewczyna</i>
2. 'выражающий умственную ограниченность, свидетельствующий о недостатке ума' (Кузнецов, 2000, 210).	<i>глупый вид, глупые глаза</i>	2. <i>pot.</i> 'świadczący o czyjeś bezmyślności lub nią spowodowany' (Bańko, 2017, 457).	<i>głupia mina, głupia gęba, głupi wzrok</i>
3. <i>перен.</i> 'отличающийся неглубоким содержанием, поверхностный, бессмысленный, лишенный глубокого или разумного содержания' (Кузнецов, 2000, 210).	<i>глупый фильм, глупая ссора, глупая затея, глупое поведение</i>	3. <i>pot.</i> 'nacechowany głupotą, pozbawiony sensu'*	<i>głupi dowcip, głupia komedia, głupie postępowanie, głupie gadanie</i>
4. <i>перен. разг.</i> 'нелепый, неуместный' (Кузнецов, 2000, 210).	<i>глупое положение</i>	4. <i>pot.</i> 'kłopotliwy, przykry, niepotrzebny, niepożądany, niezręczny' (Szymczak, 1983, 668)	<i>głupia sytuacja</i>

Таблица 1

Русский язык		Польский язык	
Значение	Пример	Значение	Пример
5. разг. 'неуместный, бессмысленный (при выражении досады, отрицательного отношения к чему-либо)' (Евгеньева, 1999, 317)	<i>Цветы в каких-то глупых поляках</i>	5. 'jako <i>głupie</i> określamy coś, do czego mamy negatywny lub lekceważący stosunek; słowo <i>głupi</i> łączymy z wieloma wyzwiskami, aby je wzmocnić' (Bańko, 2017, 457)	<i>Co za głupia pogoda, to upał, to znów leje</i>
6. субст. 'тот, кто умственно ограничен, недогадлив, несообразителен, бестолков' (Ефремова, 2006, 479)	<i>Глупый-то свистнет, а умный-то и смыслит</i>	6. w użyciu rzecz. 'pogardliwie, obelżywie o o człowieku nieinteligentnym, ograniczonym, naiwnym; dureń, głupiec' (Szymczak, 1983, 668)	<i>Lepiej z mądrym zgubić, niż z głupim znaleźć</i>
7. диал. 'грубый, резкий // не вполне созревший, недозрелый (о плодах)' – ср. дальше <i>глупенький</i> ; // 'неспособный к действию, слабый, бессильный'; // 'плохой, примитивный (о предметах, условиях быта)' (Филин, 1970, 213)	<i>Глупого слова мне хозяин никогда не сказал; глупая квартира</i>	–	–
–	–	7. dial. 'obłąkany' (Karlłowicz, 1901, 90)	<i>Żona jego od tego (wypadku) stała się głupią (obłąkaną)</i> (Karlłowicz, 1901, 90)

Русский язык		Польский язык	
Значение	Пример	Значение	Пример
–	–	8. 'nieumiejący dbać o własne korzyści, naiwny' (Szymczak, 1983, 668)	<i>Głupi chłopak, całą winę wziął na siebie; Nie ma głupich</i>
–	–	9. <i>pot.</i> 'zdezorientowany sprzecznymi informacjami' (Bańko, 2017, 457),	<i>Już jestem całą głupia, nie wiem, co tam robić</i>
–	–	10. <i>pot.</i> 'niemający znaczenia lub uważany przez kogoś za nieważny, błahy' (Szymczak, 1983, 668)	<i>Nie umie wbić głupiego gwoźdźdza</i>

Объяснение: *Следует отметить, что польские значения 2 и 3 даются отдельно для сохранения симметрии между языками, хотя в словаре М. Шимчака они приводятся в одном толковании (см. Szymczak, 1983, 667).

Источники: А.С. Кузнецов, (ред.) (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; А.П. Евгеньева (ред.). (1999). *Словарь русского языка в 4-х тт.* Т. 1. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы; Т.Ф. Ефремова (2006). *Современный толковый словарь русского языка*. Т. 1. Москва: Издательство Астрель; Ф.П. Филин (ред.). (1970). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 6. Ленинград: Наука; М. Szymczak (1983–1984). *Słownik języka polskiego*. Т. I–II. Warszawa: PWN; М. Bańko (red.). (2017). *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; J. Karłowicz (1901). *Słownik gwar polskich*. Т. 2. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego; WSJP – *Wielki słownik języka polskiego*. <https://www.wsjp.pl>

В обоих языках прослеживается также значение 'несведущий, наивный (обычно из-за отсутствия жизненного опыта; о детях или животных)' (Ефремова, 2006, 479; Кузнецов, 2000, 210), хотя в польском оно присуще, скорее, прилагательному *głupiutki* – *pot.* 'pobłażliwie (zwykle o dziecku): naiwny, niedoświadczony; świadczący o naiwności, niedoświadczeniu; pozbawiony sensu' (Szymczak, 1983, 668) (ср. рус. *Ты мала еще и глупа; глупый щенок*, польск. *głupiutkie dziecko, głupiutki wiersz* (ср. польское значение 3 в таблице). Сопоставление словарных данных позволяет обнаружить отсутствие некоторых значений в современном русском языке, к каковым относится польское разговорно-ироническое 'nieumiejący dbać o własne korzyści, naiwny' (Szymczak, 1983, 668) (напр.: *Nie bądź głupi; Głupi chłopak, całą winę wziął na siebie*), хотя

на материале паремиологических единиц можно выявить представления о ком-либо глупом (дураке), как не умеющем извлечь для себя выгоду из обстоятельств, бесхитростном, простодушном и поэтому нередко оказывающемся в проигрыше в сравнении с кем-либо хитрым, пронырливым (=умным), ср. *Глупый киснет, а умный все промыслит; Глупый-то свистнет, а умный-то и смыслит; Дурак дом построил, а умница купил*. Впрочем, такое значение для русского в целом не характерно. Помимо этого, в русском языке не фиксируются и другие значения, аналогичные польским: *pot. 'zdezorientowany sprzecznymi informacjami'* (Bańko, 2017, 457), напр.: ... *Już jestem głupia, nie wiem, co tam robić* (Bańko, 2017, 457), а также *pot. 'niemający znaczenia lub uważany przez kogoś za nieważny, błahy'* (Szymczak, 1983, 668) (последнее как характерное для старопольского (Urbańczyk, 1956–1959, 433), напр.: *Nie umie wbić głupiego gwoźdźdź; Potrafił zrobić awanturę o głupie 10 złotych*.

В обоих языках фиксируется довольно объемная группа дериватов: 1. с суффиксами субъективной оценки: рус. *глупенький, глупехонький, глупешенький*; польск. *głupiuchny, głupiutki, głupiusieńki, głupiusienieczki, głupiuśki, głupiuteńki, głupusi* (диалектизм); 2. с семантикой неполной интенсивности признака, названного мотивирующим словом: рус. *глуповатый, устар. глуподуроватый, диал. глупавый*; польск. *głupawu, устар. głuptawu, głupowatu, устар. głuptowatu, przygłupi, przygłupiasty, устар. przygłupszy*; 3. с притяжательным значением: рус. устар. *глупцовъ, устар. глупышевъ* (здесь и в дальнейшем сохраняем орфографию источника) (Даль, 1880, 358). В русском материале прослеживаются также единицы диалектного происхождения: *глупостный, глупезный*.

При сопоставлении первой группы прилагательных в русском материале себя обнаруживает усилительно-уменьшительное (*глупехонький, глупешенький*²) и ласкательно-уменьшительное (*глупенький*), в то время как в польском, скорее, уменьшительное значение (*głupiuchny, głupiutki, głupiusieńki, głupiuśki, głupiuteńki*)³, но выражающее, одновременно с этим, высокую степень интенсивности признака с усилительным значением ('bardzo głupi, kompletnie głupi' (Zdanowicz i in., 1861, 353)). Все русские и польские дериваты относятся к мотивирующему прилагательному *глупый / głupi* в значениях 1 и 3 из приведенной таблицы. Есть основания предполагать, что *głupiutki* является мотивирующим для *głupiuteńki*. Как представ-

² Стоит также упомянуть русскую префиксальную производную со значением высокой степени интенсивности признака *преглупый*, соответствующую польскому деривату с аналогичным значением *arcygłupi*.

³ Именно в таком значении лексемы *głupiuchny, głupiutki, głupiusieńki, głupiuśki, głupiuteńki* фиксируются в Словаре М. Арцта с пометой уменьшительности (Arct, 1916, 381).

ляется, анализируемые лексемы обладают также оттенком ласкательности, ласковой снисходительности (что, впрочем, было отмечено), тем более, что, по замечанию некоторых исследователей (Никитина, 2010, 145), русские образования с суффиксами субъективной оценки, помимо уменьшительно-ласкательной функции, получают также значение ограничительной полноты признака, смягчая, тем самым, отрицательную оценку. При этом русские дериваты *глупехонький*, *глупешенький* свойственны преимущественно народно-поэтической речи. С точки зрения современного речевого употребления польские производные *głupiuchny*, *głupiusieńki*, *głupiusineczki*, *głupiński*, *głupiuteński*, *głupusi*, устарев, перешли в пассивный состав словаря, о чем могут свидетельствовать их отсутствие в современных толковых словарях, а также данные Корпуса польского языка (НКЯР), в котором употребления названных прилагательных не зафиксированы. К пассивному запасу следует отнести и русские устаревшие сложные прилагательные *глуподурый*, *глуподуроватый* (Даль, 1880, 358) с экспрессивной семантикой, достигаемой посредством тавтологии сходных по значению корней *глуп-* и *дур-* (ср. *глупый* – *дурак*), равно как и польские *głupiosztuczny* ‘*udający głupiego, z głupia frant*’ (Arct, 1920, 82) и *głupiotówny* ‘*gadający głupie rzeczy*’ (Zdanowicz i in., 1861, 353). В названных русских образованиях можно выявить также значение неполной интенсивности признака не только по суффиксу *-оват(ый)*, но и по толкованию (см.: Даль, 1880, 358): ‘*придурковатый, глупый, съ придурью; тупоумный, малоумный, съ причудами*’. К пассивному запасу, с точки зрения общелитературного словоупотребления, следует отнести и русские диалектные образования с общей семантикой ‘*глупый*’ – *глупостный*, *глупезный*, *глупавый*. Именно такое значение, несмотря на наличие в их морфемной структуре соответствующих суффиксов (ср. *глуп-ав(ый)*, *глуп-езн(ый)*⁴), дается в *Словаре русских народных говоров* (Филин, 1970, 212). К этому стоит добавить, что диалектное значение прилагательного *глупенький* предполагает ‘*не вполне созревший, недозревший (о плодах)*’ (Филин, 1970, 212), что польскому языку не свойственно.

Особого комментария требует польское прилагательное *głupkowaty*, встречающееся и в диалектах (Karłowicz, 1901, 91), со значением неполного проявления признака, мотивированное существительным *głupiek*. Неполнота проявления признака обнаруживает себя в толковании: ‘*nierozgarnięty, matołkowaty, głupawy*’ (Szyczak, 1983, 667), обозначая характеристику человека, напр., *głupkowaty chłopak* (ср. 1-е значение прилагательного *głupi* в при-

⁴ Суффикс *-езн(ый)* / *-озн(ый)* в современном русском языке представляет собой довольно продуктивную словообразовательную единицу, образующую прилагательные со значением изобилия того или наделенности в большой степени тем, что названо мотивирующим словом (ср. Ефремова, 2005, 336).

веденной таблице). Отметим также, что приведенный в словаре М. Шимчака другой пример – *głupkowaty uśmiech* – может предполагать значение ‘świadczący o czyjeś bezmyślności lub nią spowodowany’ (ср. 2-е русское и польское значения в таблице). И тогда однокоренным и аналогичным по значению данной лексеме становится рус. *глуповатый* ‘недостаточно умный; недалекий // выражающий недостаток ума; свидетельствующий о нем’ (Ефремова, 2006, 479). Данную семантическую линию продолжает лексема *głupawu* наряду с устаревшими вариантами *głuptawy*, *głuptowaty* (см. Linde, 1855, 69): 1. ‘niezbyt mądry; nieinteligentny, ograniczony, bezmyślny – *głupawy uczeń*’; 2. ‘świadczący o czyjeś ograniczoności; wyrażający zakłopotanie’ – *głupawy uśmiech*, *głupawa mina* (Szymczak, 1983, 667), а также тождественный русскому по морфемной структуре дериват, в современном польском языке уже не используемый, *głupowaty* ‘nieco głupi, nierozgarnięty’ (Arct, 1916, 367). По значению совпадающим будет и рус. *придурковатый* ‘глуповатый, бестолковый (о человеке) // свойственный такому человеку’ (Кузнецов, 2000, 976), по значению соответствующий польской префиксальной производной *przygłupi* ‘trochę głupi; także o czymś charakterystycznym dla takiej osoby’ (Bańko, 2017, 360), наряду с архаической формой *przygłupszy*. В русском литературном языке смежного по морфемному составу прилагательного не отмечается. Его аналог встречается в материале донских говоров: *приглупетый* ‘глуповатый, неразумный, бестолковый’ (Кудряшова, Шкабара, 2015, 315). В польском языке отсутствуют эквиваленты русских притяжательных образований *глупцовъ*, *глупышевъ*. Соотношения значений рассматриваемых прилагательных отражены в таблице 2. В ней учитываются лексемы вне зависимости от их стилистического и узуального статуса, поскольку нас интересуют, по возможности, все выявляемые значения и наблюдаемые между ними соотношения.

Таблица 2. Соответствия значений русских и польских производных прилагательных с корнем *глуп-* / *głup-*

Русский язык		Польский язык	
Прилагательное	Значение	Прилагательное	Значение
<i>глупенький</i> ₁	1. уменьш. к <i>глупый</i> ('умственно ограниченный, неразумный, неумный, недогадливый, несообразительный, бестолковый' (Кузнецов, 2000, 210; Ефремова, 2006, 479))	<i>głupiutki</i> , <i>przygłupi</i>	'zaczy to samo, co trochę głupi' (Bańko, 2017, 458) trochę głupi; <i>głupkowaty</i> (Szymczak, 1984, 1037)

Русский язык		Польский язык	
Прилагательное	Значение	Прилагательное	Значение
глупенький ₁	2. несведущий, наивный (обычно из-за отсутствия жизненного опыта; о детях или животных)’ (Кузнецов, 2000, 210)	<i>głupiutki, głupiuteńki</i>	2. <i>pot.</i> ‘pobłażliwie (zwykle o dziecku): naiwny, niedoświadczony; świadczący o naiwności, niedoświadczeniu (Szymczak, 1983, 668)
	3. <i>перен.</i> ‘отличающийся неглубоким содержанием, поверхностный, бессмысленный, лишенный глубокого или разумного содержания’ (Кузнецов, 2000, 210; Ефремова, 2006, 479)		3. ‘pozbawiony sensu’ (Szymczak, 1983, 668)
	1. <i>усилит.</i> к <i>глупый</i> (как выше) (Ефремова, 2006, 479)	<i>głupiuchny, głupiusieńki, głupiusieczki, głupiuśki, głupiutki</i>	1. <i>intens.</i> ‘bardzo głupi, kompletnie głupi’ (Zdanowicz i in., 1861, 353; Linde, 1855, 69)
глупенький ₂	<i>диал.</i> ‘не вполне созревший, недозревший (о плодах)’ (Филин, 1970, 212)	–	–
глупехонький, глупешенький	усилит. к <i>глупый</i> (1. (‘умственно ограниченный, неразумный, неумный, недогадливый, несообразительный, бестолковый’; 2. несведущий, наивный (обычно из-за отсутствия жизненного опыта; о детях или животных)’	<i>głupiuchny, głupiusieczki, głupiusieńki, głupiuśki, głupiutki</i>	1. 1. <i>intens.</i> ‘bardzo głupi, kompletnie głupi’ (Zdanowicz i in., 1861, 353; Linde, 1855, 69)

Таблица 2

Русский язык		Польский язык	
Прилагательное	Значение	Прилагательное	Значение
глупехонький, глупешенький	3. <i>перен.</i> ‘отличающийся неглубоким содержанием, поверхностный, бессмысленный, лишенный глубокого или разумного содержания’ (Кузнецов, 2000, 210; Ефремова, 2006, 479)	<i>głupiutki, głupiuteńki,</i>	1. <i>pot.</i> ‘pobłażliwie (zwykle o dziecku): naiwny, niedoświadczony; świadczący o naiwności, niedoświadczeniu; 2. ‘pozbawiony sensu’ (Szymczak, 1983, 668)
		<i>głupawy</i>	3. coś, co jest głupawe, jest płytkie i powierzchowne lub bezmyślne i bezsensowne (Bańko, 2017, 457)
	‘выражающий умственную ограниченность, свидетельствующий о недостатке ума’ (Ефремова, 2006, 479)	<i>głupawy, głupkowaty</i>	1. głupawe zachowanie, wygląd lub cechy charakteryzują osobę niezbyt rogarniętą i ociężałą umysłowo, ale jeszcze nie całkiem głupią (Bańko, 2017, 458)
<i>глуповатый</i>	‘недостаточно умный; недалекий // выражающий недостаток ума; свидетельствующий о нем’ (Ефремова, 2006, 479; Кузнецов, 2000, 210)	<i>głupawy, głupowaty, głuptowaty, głuptawy, przygłupi, przygłupiały, przygłupszy</i>	1. ‘niezbyt mądry; nieinteligentny, ograniczony, bezmyślny (Szymczak, 1983, 667); ‘nieco głupi, przygłupi, mający podobieństwo do głupiego’ (Zdanowicz i in., 1861, 353)

Русский язык		Польский язык	
Прилагательное	Значение	Прилагательное	Значение
глуповатый		<i>głupawy, głupowaty, głuptawy, głupkowaty, głupiuchny</i>	1. 'nierozgarnięty, matolkowaty, głupawy' 2. 'świadczący o czyjejś ograniczoności' 3. 'niezbyt mądry; nieinteligentny, ograniczony, bezmyślny; (Szymczak, 1983, 667–668)
	–	<i>głupawy</i>	1. 'wyrażający zakłopotanie' (Szymczak, 1983, 667)
глуподурый, глуподуроватый	1. 'придурковатый, придурковатый, глупый, с придурью; тупоумный, малоумный, с причудами' (Даль, 1880, 358)	<i>głupawy, głuptawy, głupowaty, przygłupi, przygłupiasty, głupkowaty, przygłupszy</i>	1. 'niezbyt mądry; nieinteligentny, ograniczony, bezmyślny; 2. 'nierozgarnięty, matolkowaty, głupawy' (Szymczak, 1983, 667–668); 3. trochę głupi; głupkowaty (Szymczak, 1984, 1037)
глупцовъ, глупышевъ	1. арх. 'принадлежащий глупцу, глупышу, ему свойственный' (Даль, 1880, 358)	–	–
глупостный, глупезный, глупавый	1. 'глупый – умственно ограниченный, неразумный, неумный, недогадливый, несообразительный, бестолковый' (Филин, 1970, 212)	<i>głupiuchny, głupiusineczki, głupiusieńki, głupiuśki</i>	1. 'pozbawiony bystrości, mający ciasne horyzonty myślowe, nieinteligentny, ograniczony' (Szymczak, 1983, 667)
–	–	<i>głupiomówny</i>	'gadający głupie rzeczy' (Linde, 1855, 69)

Таблица 2

Русский язык		Польский язык	
Прилагательное	Значение	Прилагательное	Значение
–	–	<i>głupiosztuczny</i>	‘udający głupiego, z głupia frant’ (Linde, 1855, 69)
–	–	<i>głupiuchny</i>	<i>pot.</i> ‘niemający znaczenia lub uważany przez kogoś za nieważny, błahy’ (WSJP)
<i>оглупевший</i>	‘такой, который оглупел, стал глупым’ (толкование собственное)	<i>ogłupiały</i>	1. ‘ktoś, kto stracił zdolność rozsądnego myślenia lub orientację w tym, co się wokół niego dzieje’ (Bańko, 2017, 1142)
	–		2. oszołomiony, otumaniony’ (Szymczak, 1984, 667)

Источники: В. Даль (1880). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Санкт-Петербург/ Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа; А.С. Кузнецов (ред.). (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт; А.П. Евгеньева (ред.). (1999). *Словарь русского языка в 4-х тт.* Т. 1. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы; Т.Ф. Ефремова (2006). *Современный толковый словарь русского языка*. Т. I. Москва: Издательство Астрель; Ф.П. Филин (ред.). (1970). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 6. Ленинград: Наука; M. Szymczak (1983–1984). *Słownik języka polskiego*. T. I–II. Warszawa: PWN; M. Bańko (red.). (2017). *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN; J. Karłowicz (1901). *Słownik gwar polskich*. T. 2. Kraków: Drukarnia C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego; A. Zdanowicz, M.B. Szyszka, J. Filipowicz i in. (red.). (1861). *Słownik języka polskiego*. Wilno: Maurycy Orgelbrand; Linde, M.S.B. (1855). *Słownik języka polskiego*. T. II. Lwów: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.

Как следует из таблицы, несоответствия прослеживаются в случае прилагательных *глупехонький*, *глупешенький* в значении ‘выражающий умственную ограниченность, свидетельствующий о недостатке ума’, которое не свойственно польским прилагательным *głupiuchny*, *głupiusieńki*, *głupiuśki*, *głupiutki*, *głupiuteńki*, а также прилагательного *глуповатый*, не соответствующего польскому по значению ‘wyrażający zakłopotanie’. В польском языке, как говорилось ранее, не отмечаются эквиваленты притяжательных прилагательных

глупцовъ, глупыишевъ. Отличия выявляются также в отношении прилагательного *глупенький* в диалектном значении 'не вполне созревший, недозревший (о плодах)'; диалектных значениях прилагательного *глупый*, а также польских лексем *głupiotówny, głupiosztuczny*, не имеющих в русском языке ни морфологически, ни семантически выраженного соответствия. Неполное соответствие, как по семантике, так и по морфологическому выражению, прослеживается в случае польского прилагательного *ogłupiały* в значении 'oszołomiony, otumaniony' и русской причастной формы *оглупевший*, у которой данное значение отсутствует (ср. *одуревший*).

Сопоставление материала позволяет отметить большой словообразовательный потенциал для польского языка, который особенно заметен на примере прилагательных с суффиксами субъективной оценки, придающими дериватам, в зависимости от контекста, либо усилительное, либо уменьшительное значение. При этом большинство польских единиц – лексемы устаревшие. В обоих языках прослеживается семантика градуальности, выражаемая словообразовательными средствами со значением неполноты проявления признака (суффиксы *-оват(ый); -owat(y), -aw(y)* и префикс *при- / przy-*), а также упомянутыми суффиксами субъективной оценки, привносящими значение высокой интенсивности признака. Наиболее яркие расхождения в семантике прослеживаются в диалектном материале русского и польского языков. В общем употреблении литературного языка значения рассматриваемых прилагательных в основном пересекаются, отличаясь иногда стилистической окраской, что в польском выражается существенным преобладанием единиц разговорного стиля. Помимо этого, типичные для русского языка переносные значения в польском не обнаружены.

Библиография

- Аверинцев, С.С. (1977). *От концепта «интеллект» к концепту «ум»*. В: И.Е. Аничков, *Труды по языкознанию* (25–28). Б.В. Томашевский (ред.). Москва: Наука.
- Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. (ред.) (2007). *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва: Мир энциклопедий Аванта+.
- Вальчак, М. (2018). *Выбранные русские и польские фразеологизмы, связанные с безумием и недостатком интеллекта (мотивационно-семантический аспект)*, *Linguistica Silesiana*, № 39, 315–326.
- Даль, В. (1880). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Санкт-Петербург–Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
- Дзюба, Е.В. (2011). *Концепт «ум» в русской лингвокультуре*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Динисламова, О.Ю. (2018). *Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека)*, *Вестник утраведения*, № 2. Т. 8, 229–248.

- Евгеньева, А.П. (ред.) (1999). *Словарь русского языка в 4-х тт.* Т. 1. Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.
- Ефремова, Т.Ф. (2005). *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка.* Москва: Издательство Астрель. АСТ.
- Ефремова, Т.Ф. (2006). *Современный толковый словарь русского языка.* Т. I. Москва: Издательство Астрель.
- Кудряшова, Р.И., Шкабара, Н.И. (2015). Диалектные единицы тематической группы «глупый человек» в донских говорах, *Вестник Башкирского университета*, № 3. Т. 20, 314–316.
- Кузнецов, А.С. (ред.) (2000). *Большой толковый словарь русского языка.* Санкт-Петербург: Норинт.
- Купчик, Е.В. (2018). Ум / разум в словарях поэтических образов: метафорические модели и их репрезентация, *Вопросы лексикографии*, № 13, 117–140.
- Леонтьева, Т.В. (2009). *Интеллект человека в русской языковой картине мира*, Е.А. Березович (ред.). Екатеринбург: Издательство ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т».
- Никитина, Л.Б. (2010). Почти умный или немного глупый: о средствах интенсификации и деинтенсификации оценки *homo sapiens* в русском языке, *Вестник Омского университета*, № 1, 142–147.
- Никитина, С.Е. (1999). Об уме и разуме (на материале русских народнопоэтических текстов). В: *Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой* (298–307). Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская, А.А. Плотникова (ред.). Москва: Индрик.
- Пименова, М.В. (2004). Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта «ум», *Вестник ВГУ, Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 2, 32–35.
- Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М.А. (2003). *Современный русский язык.* Москва: Айрис Пресс.
- Сираева, Р.Т. (2015). Особенности изучения ментальных концептов во фразеологии, *Вестник Башкирского университета*, № 3, Т. 20, 1042–1045.
- Трубачев, О. (ред.) (1979). *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.* Т. 6. Москва: Наука.
- Фасмер, М. (1964). *Этимологический словарь русского языка.* Москва: Прогресс.
- Филин, Ф.П. (ред.) (1970). *Словарь русских народных говоров.* Вып. 6. Ленинград: Наука.
- Черных, П.Я. (2009). *Историко-этимологический словарь современного русского языка.* Москва: Русский Язык – Медиа.
- Шкабара, Н.И. (2012). О мотивированности некоторых имен существительных тематической группы «глупый человек» в донских говорах, *Вестник Челябинского государственного университета*, № 3 (277), Филология. Искусствоведение. Вып. 69, 137–141.
- Эдилова, Х.А. (2015). Антропоморфные признаки в структуре концептов ум и mind, Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, № 11. Т. 2. <https://www.online-science.ru/userfiles/file/lx1clpfkn9m6hrt3utpruzba9nphtbf.pdf> (доступ: 11.06.2020).

- Эмирова, А. (1978). *Фразеология сферы интеллектуальной деятельности*. Вопросы русской и славянской фразеологии, XIII, 17–26.
- Arct, M. (1916). *Słownik ilustrowany języka polskiego*. T. 1. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta w Warszawie.
- Arct, M. (1920). *Słownik staropolski*, A. Krasnowolski, W. Niedźwiedzki (red.). Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta w Warszawie.
- Bańko, M. (red.) (2017). *Inny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN.
- Bańkowski, A. (2000). *Etymologiczny słownik języka polskiego*. T. 1. A. Mrozowska (red.). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Boryś, W. (2008). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Długosz-Kurczabowa, K. (2008). *Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Karłowicz, J. (1901). *Słownik gwar polskich*. T. 2. Kraków: Drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Krzyżanowski, J. (red.) (1969). *Nowa księga przysłów polskich*. T. I. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Linde, M.S.B. (1855). *Słownik języka polskiego*. T. II. Lwów: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich.
- NKJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego. <http://nkjp.pl/> (dostęp: 12.02.2020).
- Spagińska-Pruszek, A. (2005). *Intelekt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem.
- Szymczak, M. (1983–1984). *Słownik języka polskiego*. T. I–II. Warszawa: PWN.
- Urbańczyk, S. (red.). (1956–1959). *Słownik staropolski*. T. II. Wrocław–Kraków–Warszawa: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Walczak, M. (2018). *Представления о психических состояниях в русском и польском языках (с опорой на ряд психиатрических и психологических терминов)*. W: *Area Slavica* 2 (105–114). I. Bogoczová, Z. Nedomová (red.). Ostrawa: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta.
- WSJP – *Wielki słownik języka polskiego*. https://www.wsjp.pl/index.php?id_hasla=268&id_znaczenia=5097043&l=9&ind=0 (dostęp: 12.01.2020).
- Zdanowicz, A., Szyszka, M.B., Filipowicz J. i in. (red.) (1861). *Słownik języka polskiego*. Wilno: Maurycy Orgelbrand.